

ОТЗЫВ официального оппонента

на диссертацию Кулачкова Вадима Витальевича

«Российское крестьянство в 1920-е гг.: социальные, политико-правовые и культурные аспекты развития (на материалах западных губерний европейской России)», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история

Исторические судьбы российского крестьянства в значительной мере определяли цивилизационную специфику страны. В связи с этим данная проблема является одной из ключевых для понимания особенностей отечественной истории. Принципиальное значение для историографии имеет изучение эволюции и трансформации социокультурного облика крестьянства. В условиях современной общественной практики особую актуальность приобретает анализ социокультурных сдвигов в деревне в переходные для страны периоды, из которых особо значимым с точки зрения выбора дальнейшего пути развития является н.э. Россия – страна регионов и поэтому принципиальное значение имеет региональный аспект темы, который позволяет выявить общее и особенное рассматриваемого процесса. Западные губернии России в 1920-е гг. являлись одним из важных аграрных регионов страны. Результаты их исследования могут быть репрезентативным для России в целом.

Рецензируемая диссертация состоит из введения, четырех глав, разделенных на 12 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения. Во вводной части работы дана краткая характеристика степени изученности темы, источниковой базы и методологической основы исследования, определены его предмет, объект, задачи, территориальные и хронологические рамки, сформулированы цели и задачи квалификационной работы, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, а также положения, выносимые на защиту.

Входящий № 106-4264
Дата 22 МАЙ 2025
Самарский университет

Объект исследования соискателем в целом сформулирован корректно, хотя его следовало бы дополнить указанием, на то, что крестьянство западных регионов, являлось составной частью общероссийского крестьянского социума, а не неким субстантивным сообществом. Предмет исследования определен слишком лапидарно. Диссертанту следовало перечислить какие из социальных, политико-правовых и культурных аспектов он включает в предметную область работы, а какие исключает и объяснить свой выбор. Так, соискатель должен был прокомментировать свой отказ от исследования такого важнейшего в условиях нэпа социального и правового аспекта развития крестьянства, как землепользование.

Географические границы исследования являются «плавающими» и на хронологическом «входе» и «выходе» включают в себя отличающиеся территории. Следует отметить также недостаточную определенность и обоснованность верхней временной рамки диссертации: «конец 1920-х гг., когда стало окончательно ясно, что произойдет отказ от основных принципов новой экономической политики» (с. 5). Разные исследователи называют началом конца нэп разные годы, начиная едва ли не с 1922 г. и заканчивая 1928 г.

Цель исследования – анализ социальных, политико-правовых и культурных аспектов жизни крестьян западных губерний Европейской России в 1920-е гг. Сформулированные во введении конкретно-исторические задачи исследования решаются в основной части диссертации. Ее структура в целом соответствует поставленным целям и задачам.

В первой главе диссертационной работы содержится описание историографии темы, репрезентация источниковой базы и теоретико-методологической основы проведенного исследования. Историографический очерк дает общее представление об этапах изучения темы, однако ему не хватает концептуальности. В частности, в нем не определены различия в подходах различных исследователей советского периода к проблемам аграрной истории периода нэпа. Применительно к современному этапу историографии, за

рамками внимания диссертанта осталось ряд важных для ее развития исследовательских работ, в том числе написанных А.А. Ивановым и В.А. Ильиных.

Конкретно-исторический анализ заявленной темы осуществлен диссертантом в трех последующих главах. Положенные в основу источниковой базы диссертационного исследования неопубликованные документы извлечены автором из 38 фондов трех центральных и шести региональных государственных архивов. Базовым архивохранилищем при этом является Государственный архив Брянской области. Еще более активно, чем к архивным документам В.В. Кулачков обращается к материалам Брянской губернской газеты «Наша деревня». Важным источником для соискателя являются письма крестьян в «Крестьянскую газету».

Во второй главе диссертации содержится описание некоторых аспектов развития крестьянства, отнесенных автором к социальным: отношение сельских жителей к налоговой политике, самообложению, займам, кооперации, военной опасности; крестьянским представлениям о социальной стратификации деревни; национальному составу и работе партийных и государственных органов с нацменьшинствами; гендерным особенностям развития деревни. В параграфе о гендерных особенностях В.В. Кулачков касается не только положения женщин, но и молодежи, молодежной политики, комсомольского движения и даже медицинского обслуживания деревни.

Третья глава посвящена некоторым политическим и правовым аспектам развития крестьянства: настроениям и поведению крестьян в общественно политической сфере; институциям их инкорпорирования в советскую систему; соотношению структур управления и самоуправления на низовом уровне; правоприменительной практике и криминогенной ситуации. При этом некоторые примеры девиантного поведения, приведенные в соответствующем параграфе, выходят за деревенские рамки. Классическая проституция, борьба с которой описана в диссертации – это городское явление.

В четвертой главе диссертации автор обращается к некоторым культурным аспектам развития крестьянства: антирелигиозной борьбе; внедрению новых советских праздников; агропропаганде; предметному миру крестьянского хозяйства; образовательной сфере; деятельности селькоров; средствам социальной коммуникации. Отметим, что к таковым автор относит не только «Дома крестьянина» и избы-читальни, но и радиовещание и кинематограф. При этом соискатель утверждает, «что они играли заметную роль в сельском быту» (с. 347). Даже для конца 1920-х гг. это является безусловным преувеличением.

В заключение диссертационного исследования подведены итоги проделанной работы. В нем в целом повторяются выводы по главам. В приложении представлено ряд фотографий 1920-х гг., а также кадры из снятого в 1930 г. документального фильма «В Брянском Полесье». Видеоряд делает изложение материала диссертации более наглядным.

Анализ отдельных аспектов темы позволил В.В. Кулачкову сделать ряд вполне обоснованных выводов и заключений, которые имеют важное историографическое значение и в целом подтверждают результаты научных штудий ведущих российских исследователей аграрной истории России в 1920-е гг. К таковым, прежде всего, можно отнести следующие положения, зафиксированные на страницах диссертации:

1. Традиционные нормы взаимоотношений в 1920-е гг. доминировали в крестьянской жизни, что можно объяснить консерватизмом крестьянства, недоверчивым отношением к внедряемым новациям (с. 26, 183).

2. Подавляющее большинство крестьян продолжало придерживаться норм обычного права, что подтверждают отличное от закона отношение крестьян к лесопорубкам, самосудам (с. 27, 345).

3. Происходило постепенное укрепление большевистской власти, что приводило к росту количества крестьян, вовлекаемых в различные

советские институты, включая Коммунистическую партию, комсомол, кооперацию, увеличению числа активистов (с. 26, 343).

4. В 1920-е гг. в деревне наблюдались определенные изменения в гендерной сфере и процессы фрагментарной модернизации, происходило нарастание непонимания между крестьянскими поколениями, конфликтности и мировоззренческих противоречий (с. 26, 209, 343).

Историографическое значение имеют следующие реконструированные соискателем социальные, политико-правовые и культурные аспекты развития крестьянства исследуемого региона: функционирование института сельских исполнителей, развитие преступности и бандитизма, антирелигиозная пропаганда, внедрение в крестьянскую среду советских праздников, распространению агротехнических и зоотехнических новаций. Безусловным украшением работы являются приводимые соискателем частушки и стихотворения того времени. Стоит также отметить необычное для традиционных исторических работ обращение к этнографическим аспектам жизнедеятельности крестьян искомых губерний.

Выводы исследования прошли апробацию на международных и всероссийских научных конференциях, нашли отражение в 59 публикациях, в том числе в 39 статьях, опубликованных в изданиях, включенных в список ВАК (16 из них в соавторстве), четырех авторских монографиях. Опубликованные работы соискателя отражают основное содержание диссертации, а текст автореферата ему соответствует. Не вызывает никаких сомнений и практическая значимость диссертационного исследования, которое может быть использовано в преподавании отдельных учебных дисциплин, при подготовке коллективных монографий по аграрной истории России новейшего времени, истории крестьянства Западных регионов европейской части России.

Большая часть выводов и положений, к которым пришел В.В. Кулачков в процессе работы над темой, являются достоверными. В то же время

представленная к защите диссертация не лишена дискуссионных, недостаточно обоснованных положений и некоторых недоработок. Помимо указанных выше, к ним относятся:

1. Как правило в диссертации изображена статическая картина исследуемых процессов, не показана их динамика. Так, соискатель пишет об абсентеизме значительной части крестьян, их пассивном электоральном поведении как некой константе нэповской жизни (с. 197–198). Между тем нэп являлся постоянно развивающейся системой экономических, политических и социокультурных отношений. Динамично развивались и отдельные аспекты нэповской жизни, включая электоральное поведение сельских жителей. В начале 1920-х гг. преобладали антидемократические практики проведения выборов. Связанное с этим падение авторитета советов вызвало массовый абсентеизм крестьян. В 1925 г. были осуществлены попытки либерализации избирательной системы. Сельские советы стали превращаться в органы реального местного самоуправления. Увеличилось и число участвующих в выборах. Данная тенденция сохранилась и в конце 1920-х гг.

2. В.В. Кулачков, как и ряд других историков, пишет о широком распространении среди крестьян антивоенных, пораженческих настроений (с. 116, 119). Однако это утверждение основано на некритичном использовании в качестве источника реконструкции политических настроений информационных сводок ОГПУ. В них действительно приводится очень много случаев пораженческих высказываний. При этом не нужно забывать, что задачей ОГПУ был сбор именно враждебных, а не комплиментарных большевистскому режиму высказываний советских граждан. Поэтому сводки ОГПУ могут лишь свидетельствовать о наличии тех или иных негативных с точки зрения чекистов настроений, но дать ответ о доле лиц их придерживающихся они не могут. Нельзя исключать, что таковых было меньшинство. Нам представляется, что соискатель некритично относится и к ряду других

используемых документов. Делать репрезентативные выводы на основе «писем в власть», а тем более газетных заметок невозможно.

3. Соискатель вслед за рядом ведущих исследователей аграрной истории России воспроизводит тезис о «двоевластии» в деревне в условиях нэпа (с. 207–208), которое заключалось в наличии двух параллельных и конфликтующих между собой властных структур: сельских советов и представленной сельскими сходами крестьянской общины. На наш взгляд это утверждение нуждается в корректировке. Власть в доколхозной советской деревне, как правило, была единой. Ситуация реального двоевластия могла возникать, но при этом была эпизодической и кратковременной. Сельский сход, в котором должны были участвовать все граждане села, был законодательно конституированным институтом местного самоуправления. Его регулярный сбор вменялся в обязанность сельсовета. В начале 1920-х гг. доминирующей структурой власти в деревне являлись сельсоветы, с подачи районных властей навязывающие сходам нужные решения посредством административного давления. В середине 1920-х гг. после начала реализации курса ВКП(б) «Лицом к деревне» ситуация изменилась. Сельсоветы превратились в реальные исполнительные органы местного самоуправления, работающей ветвью которого стали сходы. В конце 1920-х гг. после начала осуществления политики «чрезвычайщины» они вновь потеряли влияние на сельсоветы, ставших фактически единственным органом власти на селе.

Частью местного самоуправления в деревне в период нэпа являлись земельные общества, в непосредственное ведение которых входило регулирование поземельных отношений. Свои решение они принимали на сходе, но участвовать в нем могли только дворохозяева с земельным участком. Однако самостоятельными органами власти земельные общества не были. Их сходы собирались нерегулярно и только в связи с возникшим земельным спором или проведением очередного передела. Земельные общества не имели постоянно действующих исполнительных органов и зависели от

сельсоветов. Сельские советы собирали сходы земельных обществ, вели делопроизводство, выполняли их решения. В начале 1920-х гг. сельсоветы для решения земельных вопросов часто собирали не сходы землепользователей, а общие собрания граждан. В конце 1920-х гг. земельные общества потеряли остатки своей самостоятельности.

4. В.В. Кулачков сформулировал исследовательскую проблему своей квалификационной работы как «изучении региональной специфики социальных, политико-правовых и культурных аспектов развития российского крестьянства западных губерний Европейской России в 1920-е гг.» (с. 15). В то же время на страницах диссертации каких-либо свидетельств об отличиях в социокультурном развитии ее субъекта в указанный период от крестьян большинства преимущественно русских регионов России, например основной земледельческой зоны Сибири обнаружить не удалось, за исключением этнографических особенностей одежды. Наличие инонациональных анклавов специфической чертой западных губерний не являлось. Возможно, особенностей действительно не было, и унификация крестьянской жизни в России произошла еще до завершения коллективизации. Но, возможно, соискатель не там искал. Он пишет о проявившихся в хозяйственной жизни особенностях менталитета немцев, латышей, литовцев, поляков. Но в диссертации ничего нет о ментальных особенностях украинцев, которые на сегодня абсолютно очевидны, белорусов, жителей Гомельской области, которые до 1926 г. были русскими, а потом стали белорусами, смолян. В Сибири одной из особенностей переселенцев из Смоленской губернии и губерний, ставших белорусскими, являлась большая приверженность к хуторскому расселению. Естественно, что тягу к хуторам они принесли с родины. Может быть, специфику социокультурного развития крестьянства западных губерний Европейской России стоило искать в землепользовании.

Высказанные замечания не влияют на общую положительную оценку диссертации. Основные ее выводы не вызывают возражений. Актуальность

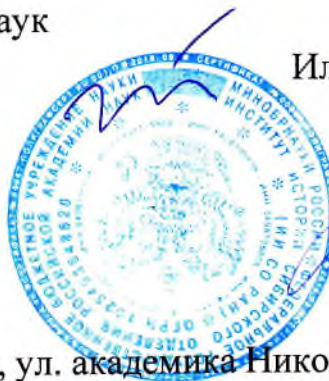
исследования несомненна. Научная новизна работы заключается в том, что в ней предпринят авторский анализ социокультурного развития региональной группы российского крестьянства в условиях нэпа.

Диссертационное исследование Вадима Витальевича Кулачкова на тему «Российское крестьянство в 1920-е гг.: социальные, политико-правовые и культурные аспекты развития (на материалах западных губерний европейской России)» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой решена научная проблема, имеющая важное социокультурное значение. Содержание диссертации соответствует паспорту научной специальности 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), а также критериям, определенным пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, а ее автор заслуживает присуждения искомой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент –
доктор исторических наук,
заведующий сектором аграрной и демографической истории
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук

Ильиных Владимир Андреевич

5 мая 2025 г.

630090, г. Новосибирск, ул. академика Николаева, 8
телефон: +7(913) 924-5108
E-mail: agro_iwa@mail.ru
Web-сайт: www.iisoran.ru